

Партийная группа была вынуждена выехать из аула, избегая возможного ссачества. Но этот случай не испугал коллектива и не сорвал дальнейшей поездки, как это предполагало кулачество. На следующий день в соседнем ауле на подмостках у сакли-читальни артисты вновь играли очередной спектакль. Занежили молодые голоса пять званик новых, колхозной жизни, вскрывая ложь раслиги и аdata, срывая яски с классовых врагов.

Осенью 1930 г. студия перешла на положение профессионального театрального коллектива. Директором объединенных русской и кумыкской групп был назначен Б. А. Р и й с, режиссером в начале года работал Ш а т р о в, а затем сменивший его в середине сезона С а н - А н и.

Сезон 1930—31 г. Кумыкский театр открыл далеко не блестящей пьесой Абдул-хан-амита «Дочь Индии». Далее были даны «Кадратура круга» В. Катаева и «Севиль» Джаббарлы.

Следующие 1931—32 гг. были для театра годами серьезных творческих и организационных трудностей и неудач. Сезон был отмечен пьесой местных драматургов Р. Фатуева и Х. Б. Аскар-Сарыджа «Святая Мукимия». Пьеса эта на дагестанскую тематику, задуманная как антирелигиозная, страдала механистическим упрощением, граничащим с идеологическим неумеренностью. Театр, взявшийся ставить пьесу, не сумел переработать материал.

В январе 1932 г. к моменту возвращения группы из Ростова с олимпиады, в секторе искусства Наркомпроса ДСР выделяется проект об отделении национальной труппы от русского театра и о создании самостоятельной единицы с собственными средствами. В этот период в секторе искусств труппа из аварской, даргинской и татской секций. Театру было решено присвоить название «Национальный театр народностей Дагестана». Сама по себе, несомненно, интересная мысль создания такого объединения, в то время как в стране не хватало для ее воплощения не было ни финансовой, ни сколько-нибудь квалифицированных актерских сил для аварской и даргинской секций. Эксперимент поглощал много средств и закончился полной неудачей. Преждевременное изъятие доплат доплат. Потребовалось решительное вмешательство директивных организаций, руководство театра и сектора искусств было сменено.

Отделившись от русского театра и став самостоятельной единицей, Кумыкский театр переехал в город Буйнакск (где он находится и в настоящее время), имеющий большое количество кумыкского населения и хорошее театральное здание.

Вместо покинувших театр режиссеров Павлова, а затем Петрова был приглашен молодой талантливый турецкий режиссер Гасан Алиев. В начале года прошли «Трезвые» Ибни и «Святой из под палки» по Мольеру в постановке Петрова и оформлении Чебурахова. Во второй половине года — «Сигнал» Прозоровского и «Нахус» Ширван-заде под режиссурой Г. Алиева.

1933-34 прошел под знаком творческого поэма. В репертуар этого года, прошедшего под художественным руководством Алены, вошли: «Я и я» Джардилья, «Красные партизаны» Салаватова, «В жизни» Руставели, «Сияние» Джардилья, «Счастье» Руставели. В этот период пошел театр к работе над Шекспиром. Это была ответственная проба сил. Раздавались голоса о несвоевременности включения Шекспира в репертуар молодого еще театра, о «завязоте» театра, о том, что молодому коллективу в режиссуре браться за Шекспира еще рано. Но в итоге, несмотря на эти разговорчики, конечно, сущая чепуха, Театр серьезно подошел к взятой на себя задаче.

даче. Он видел а шекспировской трагедии не только и не столько пробыный камень своему сил, сколько блестящий материал для учебно-творческой работы. Лучшим доказательством этого является то, что театр не удовлетворился годом работы над Шекспиром. В репертуарный план 1934—35 года, наряду с «Гибелью эскадры» Корнейчука, «Чаян Арслан» Курбанова, вновь были включены «Отелло» и «Красные партизаны».

К сожалению, нам не довелось видеть первую постановку «Отелло», и потому мы не можем судить о ней, постановка же этого года — безусловно большая победа театра. Шекспировская трагедия звучит на кумыкском языке свежо, мощно, убедительно.

Пьесы «Красные партизаны» театр «Голубой вагон» автономного ДСРР, Пьеса эта, написанная Салаватом в 1933 году и премияванная на конкурсах, долго дорабатывалась театром совместно с автором. Пьеса эта на тему о партизанском движении в Дагестане, рисующая его во всей сложности специфичности национальных условий. Революция входила в быт, ломала его, как ломала она старые законы и обычаи, провозглашая новые законы, законы революции. Автор приводит на сцене много исторических героев, и в их числе Улубаия Буйнакского, он говорит о конкретных исторических событиях, но поднимает их драматической коллизии. Автор и театр обвиняют в неточности изложения события. Нам кажется, что эти обвинения неосновательны. «Красные партизаны» не претендуют именно «хроникой», от художественного произведения мы должны требовать и ей и о ней и сцене. Этим требованиям «Красные партизаны» соответствуют. Вносить же обвинения театру в искажении исторической действительности, основываясь на том, что во времена раненый комиссар падал не на тот бок на который упал герой пьесы (были и такие чудачи среди местных фритков), — это по меньшей мере нецелю, больше того — вредно, так как это толкает театр к ненужному натурализму. Если хочется обвинить театр как раз в обратном — в излишней натуралистичности — скомканной пулеметной стрельбы на настоящем (!) пулемете, настоящей (!) вода в ручье и т. д. При всех своих недочетах спектакль «Красные партизаны», наряду с «Огнем», входит крупным вкладом в репертуар театра.

Победы в театрах идут крепкие и большие все-
гда за счет роста его актерского коллектива.
В театре создается дружный ансамбль,
выявляясь ядро талантливых, ведущих ак-
теров, работающих в театре с первых дней
его существования. В Барнаул-Мурдоло-
во, обладающая изумительными сценическими
данными, насыщенная создаваемые ею об-
разы теплотой, искренностью и какой-
то особой любовью к своему искусству. В театрах
Барнаул-Мурдолово ролях (Дездемона,
Кастама) — «Красные партизаны», Сенья —
«Кастама») особенно удачен образ Кастама.
Актриса сумела удивительно тонко вырази-
ть переживания героини. Так например,
труднейшая сцена брела, сцена, могущая сде-
лать часть всякой большой актрисы, проводи-
тся ею все как будто бы то и было нажима
перезагрузка, и она оставалась одна на сцене, актриса вер-
тит зрительный зал в неослабевающем на-
пряжении почти десять минут.

Совершенно иной характер носит дарование актрисы Ахмеровоой. В созданных ею образах нет лирической мягкости и изысканной тонокости отделки роли, присущих Мурадовой. Ее Деадемона, Сусанна — «Намус», Арухтан — «Кто ты», Юнга — «Гибель эскадры» очерчены резкими штрихами. Сочность, яркость выделяются на первом плане.

Курбанов — актер разносторонней одаренности. Отелло, Булат — «Красные пар-

язызы, Гудзай — «Гибель эскадры», Амид Ролсан — «Красное знамя» — образы, насыщенные темпераментом, сочетающимся с тонкой расчетливостью большого мастера. Его Утедло — исключительная по силе личность, гибнущая от собственной силы, которую обстоятельства и окружающие обрушили на него самого. Разносторонний талант этого актера в сочетании с огромной сценической обаятельностью делает его лучшим мастером куклы-марионетки.

Прямая рительная походка, гордо поднятая голова, красивое, дерзкое лицо и естественные, а эти дисциплины обидчик ковал. У Рустамов ола, Любопытство, что Яго первой постановки «Отелло» был значительно элементарнее, традиционнее. Рустамов — обладатель незурядного дарования, умеет упорно и глубоко работать над ролью. Он — большой мастер грима. Для «каждой роли Рустамов умеет найти адекватный характер, костюм, декорации, тем самым, в актрисе партизаны, бойцы Кобза — «Гибель асканды», Рустам — «Севиль» именно поэтому особенно сильно действуют и запоминаются зрителю.

Большую ценность для театра представляют актеры Курумов, Легиминиде, Тагиров, Магомедова. В театре много обещающей молодежи.

Отдаваясь на произволный Кукумский театр путь, мы видим, как в высшей степени неблагоприятно отразился на нем продолжающаяся до сих пор смена режиссеров (Шанов 1926—29 гг., Шайов 1929—30 г., Панора 1930—31 г., Шайов 1931—32 г., Шайов 1931—32 г., Шайов 1933—34 г.). Такое «сезонное» художественное руководство, конечно, глубоко ненормальное явление, деформирующее творческую устремленность коллектива, лишающее его определенного лица, определенного театрального почерка. Только в этом году театр нашел возможным послать на режиссерское отделение ГИТИС одного из лучших своих актеров — В. С. Самойла. Надо изяснить, что через два года театр получил, наконец, творческого руководителя. Не менее остро стоит вопрос о театральном художнике: Воскресенский, Чебурахин, Лифоров, Вюрфель — такова серия художников, работавших в театре. Отдельные постановки были оформлены очень кеплохо: «Шейх-Мухаммад» — художником Воскресенским, «Трезвые», «Наму» — Чебурахин, «В ялы» — Лифоров, «Красная» — Вюрфель, «Отелло» — Вюрфель. Но оформление эти случаи для театра. Наглядным и подчеркнутым условностью — такова амплитуда художественных приемов оформления.

Театр до сих пор не сумел привлечь к оформлению постановок большого мастера кисти художника-кумыка М. Джамал и других художников-националов: Маллаева, Онусова.

Дагестанский Кумыкский театр стоит на пороге своего десятилетия. Десять лет легли сложным, трудным путем жизни молодого коллектива. Были на этом пути отдельные кудачи и срывы, но он преодолевал их, упорно работая и неся искусство трудящимся массам Дагестана.

Театр шел вперед, накапливая творческий опыт, отыскивая свое лицо, стремясь создать театр социалистических мыслей и эмоций и национальной формы.

Сейчас, когда на экранах театра являю с плеском казаки-казаки «Красные партизаны» стало имя Шекспира, когда на сцене звучит сильно и убедительно страстный призыв национального героя-революционера Улубия Буйнакского и бесстрашный монолог Отелло, когда выстрелы партизанского пулемета смеют звуки труб Кипра, — мы говорим, что накануне своего десятилетия Куумуйский театр, театр народности, до Октября не знавшей театрального искусства, достиг зари творческой зрелости.

Отв. редактор М. П. АРКАДЬЕВ.

Отв. секретарь Е. М. Братин.

Корректор Б. И. Сабаковский.

Пом. редактора Яков ГРИНВАЛЬД

Техред К. Н. Николаев.

Обложка работы худ. Н. Н. Жукова. Фотокладки напечатаны типографией Меццо-тинто ИЗОГИЗа под наблюдением Г. К. Григорьева

● Журнал набран, сверстан, отпечатан и сброшюрован в типографии газеты «За индустриализацию» под наблюдением И. В. Горюнова
— В. И. Пустынина (бумага, оклад, переплет); Удальцова (обложка и закладка); Ефимова (заглавие); Целищевой (брошюровка)

ИЗДАНИЕ № 8125 Сдано в набор 9/IX 1935 г. Пошло в печать 29/IX 1935 г. Удобр. Главлита Б-9668 Ф.О. 72x105 1/3 л. 1

УДК 615 № 8774. Сдано в набор 9/II 1950 г. Подп. к печати 22/X 1950 г.
Тир. 7200.

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.